

Уважаемые соседи

— сатирическая повесть —

Эмилия Ф.

Уважаемые соседи

<https://litres.ru/74637568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может объединить несколько сотен совершенно разных людей? Общий дом. А что способно их рассорить? Практически всё.

В одном жилом комплексе обычный домовый чат постепенно превращается в арену настоящих сражений. Здесь парковочное место становится вопросом принципа, ковёр — причиной общественного возмущения, а судьба кота требует почти официального расследования.

Каждый уверен, что защищает справедливость. Каждый знает, как правильно. И почти никто не готов уступать.

Но за бесконечными спорами, жалобами и голосованиями скрываются живые люди со своими страхами, надеждами и маленькими трагедиями.

«Уважаемые соседи» — сатирическая повесть о том, как сложно жить рядом друг с другом. И о том, что иногда даже самые невыносимые соседи способны удивить.

Содержание

Глава	4
От автора	5
Пролог. В доме было тепло	7
Часть первая. Люди с правом голоса	10
Глава 1. Основной чат	10
Глава 2. Кот на балансе	19
Глава 3. Пешеходный переход в снегу	24
Часть вторая. Общее — значит спорное	30
Глава 4. Сугробы подозрения	30
Глава 5. Нулевая величина	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Уважаемые соседи

Глава

Эмилия Ф.

УВАЖАЕМЫЕ СОСЕДИ

Хроника общего пользования

Сатирическая повесть

Художественный текст по мотивам обезличенной переписки жителей большого жилого комплекса. Герои являются составными, названия и обстоятельства изменены; приведённые диалоги написаны заново.

От автора

Эта книга появилась не от большой любви к соседям. Скорее, наоборот.

В какой-то момент я поняла, что наш жилой комплекс — это маленькая модель общества, в которой есть всё: свои законы, политика, борьба за власть, бесконечные споры и люди, готовые отстаивать свою правоту до последнего сообщения в чате.

Меня это ужасно раздражало.

Особенно наш общий чат, где даже самый безобидный вопрос мог за несколько минут превратиться в конфликт государственного масштаба.

И однажды я подумала: а почему бы не написать об этом книгу?

Изначально задумка была довольно простой. Мне хотелось создать карикатуру на соседскую жизнь, высмеять весь этот абсурд, бесконечные выяснения отношений и нашу удивительную способность превращать любую мелочь в принципиальный вопрос.

Но в процессе случилось неожиданное.

Чем больше я писала, тем чаще замечала, что за самыми нелепыми спорами стоят вполне обычные люди. Со своими страхами, обидами, заботами и желанием, чтобы их наконец услышали.

И то, что начиналось как попытка посмеяться над соседями, неожиданно стало для меня чем-то вроде терапии.

Кажется, я даже начала немного лучше их понимать.

Разумеется, это не означает, что они перестали меня бесить.

Но теперь у меня хотя бы есть книга.

Надеюсь, вы узнаете в этих историях кого-нибудь из своих соседей. А может быть, иногда и себя.

И очень надеюсь, что чтение доставит вам столько же удовольствия, сколько мне в итоге принесло написание.

С уважением к соседям. По возможности.

Пролог. В доме было тепло

В октябре в доме не было отопления. Не во всём, конечно. В одних квартирах батареи оставались холодными с самого начала сезона, в других тепло успело появиться и исчезнуть, в третьих уверяли, что у них всё прекрасно, но выяснилось, что прекрасным у них был только электрический обогреватель.

Дом стоял в центре большого сибирского города, смотрел на него тысячей с лишним окон и до последнего сохранял вид благополучия. Днём за стеклянными фасадами отражалось небо, вечером светились кухни, а ночью в некоторых квартирах слышно было, как человек резко садится на кровати, потому что ему пришло уведомление из общего чата.

Второй день соседи выясняли, у кого отопление пропало, а у кого так и не появилось. Об этом знали все. На всякий случай вопрос повторили ещё сорок семь раз.

Первой написала женщина, которой хотелось всего лишь узнать, есть ли у кого-нибудь отопление. Её сообщение было простым, почти довоенным по своей интонации:

«Соседи, у вас тоже холодно?»

Ответить следовало «да» или «нет». У жилого комплекса, однако, давно сложилась собственная процедура установления истины.

«Уточните корпус».

«И этаж».

«Здесь вообще-то несколько домов».

«В таком случае непонятно, зачем писать в общий чат».

«А куда, по-вашему, писать?»

На последнем вопросе разговор мог бы завершиться. Но один из жильцов напомнил, что заявки необходимо подавать официально, другой поинтересовался, кто утвердил регламент подачи заявок, а третий выложил скриншот ответа управляющей компании трёхлетней давности, где причиной недостаточного нагрева называлось «проведение работ по стабилизации».

Что именно стабилизировали, из ответа не следовало. Возможно, отношения между человеком и холодом.

К полуночи в чате спорили уже не об отоплении. Спорили о том, кто первым начал спорить, почему его не остановили и по какому праву один из участников написал слово «коллеги», хотя никому из присутствующих коллегой не являлся.

За окном падал снег. В одной из квартир ребёнок накрыл ноги одеялом и спросил у матери, скоро ли станет тепло.

— Скоро, — сказала мать, хотя не знала.

В другой квартире пожилой мужчина потрогал батарею, надел шерстяной свитер и принял единственное решение, не требовавшее кворума: поставил чайник. Ещё год назад он спорил с соседями о том, должны ли все оплачивать дополнительные услуги охраны. Теперь его интересовало, кому из них понадобится кипяток.

В третьей собственник поднял архив переписки за шесть лет и начал искать, кто обещал наладить отопление ещё при предыдущей управляющей компании.

У дома имелись четыре корпуса, общая территория, несколько советов, различные формы собственности на парковочные места и множество людей, искренне желавших ему добра. Единственного у него не было — человека, который мог бы сказать: «Я всё решил», и которому поверили бы остальные.

Зато у него был чат.

Чат был тёплым.

Чтобы понять, почему так вышло, придётся вернуться в ноябрь, когда дома ещё не успели стать соседями, а соседи — общественным движением.

Часть первая. Люди с правом голоса

Глава 1. Основной чат

В первые недели после заселения большинство жильцов знало о доме три вещи: он новый, находится в центре и в нём есть закрытый двор.

Последнее считалось особенно важным. Закрытый двор продавался вместе с обещанием безопасности, спокойствия и некоторой избранности. Ты покупал квартиру, а вместе с ней — тонкую, почти незаметную границу между собой и городом. По одну сторону границы шумели машины, торопились незнакомцы и лежали окурки. По другую должны были гулять дети, расти деревья и проживать люди, умеющие вести себя прилично.

С людьми вышло сложнее, чем с деревьями.

Деревья хотя бы не участвовали в голосованиях.

В середине ноября мессенджер сообщил, что обычная группа преобразована в супергруппу. Для компьютеров и телефонов это была техническая операция. Для людей, которым предстояло вместе владеть несколькими лестничными клетками, одним двором и неопределённым количеством

тревог, — первое конституционное событие.

— А какая группа теперь главная? — спросил кто-то.

— Эта, — ответили ему.

Позже соседи будут спорить о том, кто назначил эту группу главной. В тот ноябрьский вечер вопрос казался слишком мелким, чтобы заносить его в протокол.

Человек, ответивший «эта», ещё не знал, насколько опасное слово выбрал.

В первые дни в супергруппе, впрочем, обсуждались вопросы куда более мирные. На нулевом этаже кто-то оставил растение. Никто не знал, кому оно принадлежит, но все быстро установили, что оставлять его там не следует.

— Может, забыли при переезде?

— В таком случае хозяин найдётся.

— А если не найдётся, можно забрать?

Само растение не возражало ни против одного предложения. Оно стояло в горшке возле стены, собирало на листья строительную пыль и терпеливо ждало решения собрания, о существовании которого ещё не подозревало.

Почти одновременно в другой секции выяснилось, что радиатор мешает полностью открыть дверцу холодильника. Вопрос о замене батареи вызвал гораздо больше интереса, чем вопрос о растении: оказалось, что даже новая квартира способна поставить человека перед выбором между теплом и ужином.

Квартиры заполнялись медленно. По коридорам носили

гипсокартон, в лифтах пахло краской, в холлах стояли коробки, а по вечерам кто-нибудь непременно спрашивал, почему в его подъезде не работает то, что в соседнем работает давно. Потом выяснялось, что в соседнем не работает другое, зато первое там действительно работает, но с перебоями.

Люди привыкали к дому. Дом привыкал к людям значительно медленнее.

В чате постепенно появились постоянные голоса.

Кира писала мягко, будто каждое сообщение могло упасть на бетон и разбиться. Её «доброе утро, соседи» обычно сопровождалось фотографией недостатка, который следовало устранить. Она верила, что если объяснить проблему достаточно вежливо, людям непременно захочется её решить.

Лев Аркадьевич не верил в достаточную вежливость. Он верил в документы, схемы и чёткую формулировку вопроса. Из трёх предложений «поставить дверь», «надо поставить дверь» и «имеются основания рассмотреть вопрос об установке двери» приемлемым для него было последнее. Первые два противоречили процедуре.

Рита, наоборот, считала, что процедура существует для того, чтобы в конце концов кто-нибудь поднялся и поставил дверь. Она была способна позвонить в три инстанции, написать два обращения и лично пойти выяснить, кто держит ключ. Именно за это её часто благодарили. И именно это некоторым казалось подозрительным.

Аркадий владел машиноместом под землёй, а потому

смотрел на мир с позиции глубины. Люди наверху представлялись ему существами романтическими и ненадёжными: они хотели гостевых парковок, свободы въезда и желательно всего сразу. Аркадий же хотел, чтобы никто не занимал чужого. Особенно — его.

Инна говорила редко, зато метко. Если разговор длился слишком долго, она спрашивала то, на что никто не хотел отвечать. Например, почему все уже час обсуждают ограждение, которого ещё не существует, и зачем нужен совет, если он не советуется.

Управляющая компания имела в чате собственный голос. Этот голос состоял преимущественно из слов «информируем», «в настоящий момент», «проводятся работы» и «приносим извинения». Последние особенно часто появлялись вслед за первыми.

Сама управляющая компания не была человеком. Поэтому любить или ненавидеть её было чрезвычайно удобно. Она не обижалась, не оправдывалась сразу и почти никогда не отвечала в ту секунду, когда кто-нибудь требовал объяснений.

В первый месяц соседи ещё успевали помогать друг другу. Кира, прочитав про забытое растение, спустилась на нулевой этаж и отнесла его ближе к посту охраны, где не тянуло из дверей. Рита нашла дежурного, которому можно было передать телефон оставившего горшок жильца. Лев Аркадьевич объяснил, почему радиатор нельзя просто перенести по просьбе владельца холодильника, и неожиданно прислал

схему с двумя вариантами расстановки мебели.

— Спасибо, — написал хозяин холодильника.

Для Льва Аркадьевича это оказалось приятным событием. Обычно после его схем благодарности не следовало: собеседники спрашивали, кто дал ему право рисовать схемы.

Подсказывали, где забрать ключи, кому звонить по поводу счётчиков, как вызвать грузовой лифт и куда пропал звук объявления этажей. Оказалось, лифт прежде умел говорить и даже петь. Когда он замолчал, некоторые ощутили потерю, которой не ожидали от технического устройства.

Это был единственный молчаливый участник комплекса, по которому скучали.

В декабре один житель пожаловался на оставленный в холле строительный мусор.

Другой объяснил, что мусор, вероятно, оставили рабочие.

Третий спросил, откуда уверенность.

Четвёртый потребовал камеру.

Пятый напомнил, что камеры входят в пакет услуг.

Шестой хотел увидеть договор.

А седьмой осторожно заметил, что мусор всё ещё стоит на месте.

Седьмому ответили не сразу. Его замечание мешало обсуждать более существенное — отсутствие единого подхода к проблеме.

Вечером Кира спустилась с пустой картонной коробкой, чтобы вынести её к контейнеру, и обнаружила, что строи-

тельный мусор так и стоит. Рядом находилась Рита, уже разговаривавшая с дежурным.

— Сейчас уберут, — сказала она.

Лев Аркадьевич, встретившийся им у лифта, попросил сфотографировать место до уборки: если к нему всё-таки придётся возвращаться, будет чем подтвердить обращение.

— Вы обо всём так думаете? — спросила Рита.

— О том, к чему придётся возвращаться, — ответил он.

На следующий день мусор исчез. Об этом сообщили один раз. Обсуждение того, кто отвечал за его появление, продолжалось ещё три дня.

На третью ночь Кира возвращалась из магазина и увидела в холле новую преграду: кто-то выставил к лифтам узкий шкаф, обмотанный упаковочной плёнкой. Возле него стояла женщина с ходунками и ждала, пока освободится проход.

— Он ваш? — спросила Кира.

— Если бы мой, я бы его уже переставила. У меня просто ноги не помещаются.

Кира попробовала сдвинуть шкаф. Он не поддался. Из лифта вышел мужчина с пакетом шурупов и сказал, что мебель его, грузчики вернутся утром, а «на пять часов это никому не мешает».

— Мне мешает, — сказала женщина.

Мужчина посмотрел сначала на ходунки, потом на дверной проём. Помолчал, позвонил кому-то и через десять минут вместе с Кирой перетащил шкаф к стене. Женщина смог-

ла пройти. Правда, шкаф теперь мешал открыть электрощит, и мужчина тут же объявил, что его заставили нарушить другое правило.

В чат мужчина написал уже из квартиры: «Прошу не трогать чужое имущество без хозяина». Дежурный на посту ответил, что к электрощиту должен оставаться доступ. Женщина с ходунками в переписке не состояла. Она просто поднялась на свой этаж.

Кира начала печатать объяснение, но остановилась. Можно было написать, что проход загородили. Можно было написать, что мебель перенесли к щиту. Оба сообщения были бы правдой, а на их основании тут же выбрали бы разных виноватых.

Утром Кира встретила ту женщину возле почтовых ящиков. Женщина несла сложенный пакет и пыталась достать письмо, которое кто-то засунул слишком глубоко. Кира помогла.

— Я вчера всё хотела в группе написать, — сказала Кира.

— Не надо за меня. Я с ним уже поговорила. Он сказал, грузчики вечером заберут.

— А если опять поставят?

— Тогда я ему ещё раз скажу. Вы лучше покажите, где номер дежурного висит.

Номер висел у лифта, закрытый рекламой доставки воды. Кира отогнула листок и сфотографировала телефон. В общий чат она отправила только снимок номера. Под ним

немедленно спросили, почему охрана не работает через приложение.

К январю общая группа напоминала одновременно диспетчерскую, родительское собрание, юридическую консультацию и приёмную депутата. В одной ветке искали потерянные ключи, в соседней обсуждали полномочия совета, а чуть ниже два незнакомых человека уже выясняли, кто из них первым перешёл на личности.

Кире это казалось временным. Люди заселятся, ремонты закончатся, и наступит мир.

Лев Аркадьевич считал, что мир наступит после утверждения правил.

Рита полагала, что после замены ответственных.

Аркадий — после установки ещё одного шлагбаума.

Инна не говорила ничего. Она просто перечитывала сообщения за день и всё сильнее подозревала, что дом приобрёл собственную волю.

Больше тысячи квартир составляли почти завершённое общество, где существовали права, обязанности и ничтожно малое число людей, называвших собственные привычки проблемой.

Во дворе пока не знали, где заканчивается место для разгрузки и начинается чужая дорога. Оба назначения легко уместались на одной плитке.

Кира всё ещё надеялась договориться словами. Лев Аркадьевич собирал документы. Рита знала, кому звонить, если

снова оставят мебель у лифта. Кто из них был прав, выяснялось обычно у самой двери.

Глава 2. Кот на балансе

Летом следующего года на нулевом этаже заметили крысу.

Нулевым этаж назывался не из философских соображений, хотя со временем такое объяснение стало бы уместным. Он находился между улицей и подземной парковкой и служил для всего сразу: въезда, прохода, разгрузки, ожидания, споров о разгрузке и ожидания решения споров.

Официально нулевой этаж был общественным пространством. На практике он стал территорией, которую каждый считал своей ровно до тех пор, пока туда не приезжал кто-то другой.

Крыса, в отличие от жильцов, не интересовалась правовым статусом этажа.

Она выскочила из-под машины, пересекла проезд и скрылась у мусорных баков. Это заняло несколько секунд. Жильцам понадобился целый день, чтобы разобраться в произошедшем.

— Кто-нибудь видел? — спросила Кира.

— Видели, — ответили ей.

— Откуда бежала?

— Со стороны мусора.

— Это уже нарушение санитарных норм, — сообщил Лев Аркадьевич.

— Нормы-то тут при чём? — удивился кто-то. — Крысу

надо убрать.

— Нельзя решать проблему, не установив причину её возникновения.

Рита немедленно написала в управляющую компанию. Через некоторое время появился ответ, где сообщалось о плановых мероприятиях и контроле ситуации.

Крыса, судя по всему, об этих мероприятиях не знала.

Разговор пошёл сразу по нескольким направлениям. Одни требовали обработки территории. Другие предлагали перенести мусорные баки. Третьи считали, что менять надо привычки собственников, потому что нельзя бросать пакеты там, где удобнее. Четвёртые напоминали, что за содержание территории уже платят. Пятые спрашивали, сколько именно, и разговор естественным образом перешёл на тарифы.

Примерно к обеду Пётр предложил завести кота.

Сначала все приняли это за шутку. Идея была слишком простой для дома, где даже установка дополнительной розетки предполагала изучение нормативных актов.

— Ну а что, — написал Пётр, — пусть живёт при охране. У него будет официальное место работы.

— А кормить кто станет?

— Да мы все понемногу.

— Простите, «все» — это кто?

Лев Аркадьевич вступил в обсуждение после паузы, которой обычно предшествовало открытие документа.

— С точки зрения содержания общего имущества возни-

кают вопросы.

— Какие у кота могут быть вопросы к общему имуществу? — спросила Инна.

— У кота — никаких. У собственников — вполне.

Выяснилось, что коту потребуются корм, прививки, профилактические осмотры и, вероятно, помещение. Кто-то опасался аллергии. Кто-то вспомнил, что у охранника тоже может быть аллергия. Кто-то предложил двух котов — на случай сменного графика. На этом месте Аркадий поинтересовался, кто будет отвечать, если кот повредит чужой автомобиль.

Никто не знал, как именно кот способен повредить автомобиль, но мысль показалась основательной.

В течение часа крыса превратилась из санитарной угрозы в потенциальную смету по содержанию кошачьего персонала. Ещё через полчаса обсуждали, будет ли иметь кот право выходить на общую территорию и кто должен убирать за ним.

— Существуют специализированные организации, — напомнил Лев Аркадьевич.

— То есть крысу мы оставляем специалистам, а кота не берём? — уточнила Инна.

— Не надо передёргивать.

Рита вмешалась прежде, чем Пётр успел придумать коту должность.

— Крысу надо убрать сейчас. Кота можно обсуждать по-

том, если вообще найдётся человек, который готов за него отвечать.

— Я, значит, несерьёзно предложил? — спросил Пётр.

— Ты предложил живое существо вместо решения проблемы, — ответила она. — Его ведь потом нельзя будет выключить вместе с охраной.

Пётр ничего не написал. Рита посмотрела на свою реплику и решила, что она получилась резче, чем следовало. Но отправленное сообщение уже успело стать частью общего имущества.

Рита прислала фотографию мусорной зоны. Кира попросила не ругаться. Аркадий напомнил о стоящих без движения автомобилях. Неожиданно выяснилось, что несколько машин занимают места так давно, что у одних появилась привычка обходить их справа, а у других — подозрение, что это элементы благоустройства.

Обсуждение крысы растворилось в большом разговоре о парковке, мусоре, камерах, платежах и том, кто не выполняет обязательств.

К вечеру появилась новая версия: крыса могла прибежать из соседнего корпуса.

Версия понравилась многим. Главное, крыса теперь была чужой.

Пётр, чья идея с котом так и не была поставлена на голосование, а сам он успел обидеться на Риту, спустился вечером к мусорным бакам. Там было тихо. Издалека доносил-

ся шум городского транспорта. Пётр постоял, посмотрел на пустой проезд и подумал, что кот здесь всё-таки пригодился бы. Не столько из-за крысы, сколько из-за живого существа, которому решительно всё равно, кто подписал протокол.

Наверху, на девятом этаже, кто-то впервые за день написал в чат не жалобу, а благодарность дворнику за чистый холл.

Сообщение получило два сердечка.

Через семь минут его оттеснило обсуждение тарифов.

Глава 3. Пешеходный переход в снегу

Осенью на проезде у комплекса появилась зебра.

Её ждали давно. По этой дороге дети ходили в школу, взрослые — к магазинам, машины — куда успевали. Жильцы хотели, чтобы водитель останавливался, когда человек переходил улицу. Водители, многие из которых тоже были жильцами, хотели того же — при условии, что человек прежде убедился в безопасности манёвра и не появился из-за чужого автомобиля внезапно.

Проблема состояла в том, что люди были уверены: осторожность должна быть взаимной, а начинать обязан кто-нибудь другой.

Первоначальная радость по поводу разметки продержалась недолго.

— А знаки где? — спросила Рита.

— Знаки обещали поставить, — ответили ей.

— Когда?

— В ближайшее время.

Словосочетание «в ближайшее время» не означало ни день, ни неделю, ни месяц. В управлении коммунальным хозяйством для него, видимо, пользовались отдельным календарём.

Лев Аркадьевич предположил, что без знаков нанесённые полосы ещё не создают необходимой правовой определённости. Рита настаивала, что детям нужна безопасная дорога сейчас. Кира соглашалась с обоими и просила сосредоточиться на решении.

За обсуждением наблюдала Галина — тихая женщина, которая редко вмешивалась и всегда читала переписку до конца. В тот день ей страннее всего показался не спор о знаках, а необходимость объяснять кому-то, зачем детям безопасно переходить дорогу.

Она написала:

— Может быть, просто добьёмся и разметки, и знаков?

Ответили ей сразу несколько человек. Один сообщил, что письма уже направлялись. Второй заявил, что писал в другие инстанции. Третий спросил, от имени кого писали. Четвёртый заметил, что бесконечные письма только мешают согласованию.

Рита не выдержала.

— Если бы всё согласовывали так же быстро, как мы спорим о согласовании, здесь уже был бы светофор.

Пожалуй, это было её лучшее сообщение за весь месяц. Оно получило одобрение даже от людей, которые до того не соглашались с ней по поводу других вопросов.

Но вскоре выпал снег.

Снег был хорошим, густым, вполне сибирским. Он укрыл машины, бордюры, лужи и пешеходный переход. К утру

зебра исчезла так основательно, словно имела собственный план отступления.

В чате появилось сообщение:

— Теперь её вообще не видно.

Лев Аркадьевич предложил написать запрос о соблюдении сроков установки знаков. Рита напомнила, что подобный запрос уже составляли. Кто-то указал, что разметку наносила не та организация, которой собираются писать. Ещё кто-то посоветовал сначала разобраться в полномочиях.

В этот момент Кира вышла на улицу.

Она была в пуховике, с пакетом продуктов и телефоном в кармане. У перехода стояли двое детей с яркими рюкзаками. Машины ехали медленно, но не останавливались. Наконец одна затормозила; Кира дождалась, пока колёса перестанут вращаться, и повела детей через дорогу. Только на тротуаре она достала телефон.

Из остановившейся машины ей помахал Аркадий. Кира узнала его по неизменной серьёзности лица, даже когда у него были обе руки на руле.

— Не видно же полос, — сказал он, опуская стекло.

— Детей зато видно.

— Я и остановился. А позади меня человек чуть в бампер не въехал.

Они посмотрели на дорогу. Машина, ехавшая за Аркадием, объехала его по краю проезда, хотя переходящие уже ушли. Аркадий сердито проводил её взглядом. Кира почув-

ствовала, как один мальчик крепче сжал ляжку рюкзака.

— Надо знак поставить, — сказал Аркадий.

— Надо, — согласилась Кира. — И снег убрать.

— Об этом я уже писал.

Она хотела спросить, где он был, когда снег ещё лежал только на половине дороги. Но дети стояли рядом и слушали. Кира предложила им идти дальше, а Аркадий закрыл окно и ещё минуту не трогался с места.

Ей хотелось написать, что переходить было страшно. Она набрала сообщение, стёрла. Набрала другое, тоже стёрла. Любая фраза тут же превратилась бы в довод за одну из сторон. А ей нужно было, чтобы люди просто остановились перед детьми.

Вместо этого она отправила фотографию заснеженной дороги.

— Вот так сейчас выглядит переход.

Кто-то поставил сердечко. Кто-то — раздражённый смайлик. Рита написала, что сегодня же снова свяжется с администрацией. Лев Аркадьевич предложил приложить к обращению нормативное обоснование.

Инна прислала одну строчку:

— Главное, чтобы дети не ждали, пока вы договоритесь.

На этот раз ей никто не возразил.

Молчание длилось почти минуту.

Потом Аркадий спросил, можно ли на нулевом этаже временно оставлять автомобиль для разгрузки, если все места

заняты.

Снег продолжал падать. Зебру уже не было видно. Зато в чате начиналась новая дискуссия, в которой каждый из соседей рассчитывал наконец-то быть услышанным.

Через несколько минут Кира получила личное сообщение от Льва Аркадьевича. Он просил прислать фотографию в исходном качестве и уточнить, в какой час она была сделана: к новому обращению требовались не возмущение и не сердечки, а место, время и видимость разметки. Рита в это время уже составляла текст.

Кира переслала снимок и время. Лев Аркадьевич исправил один пункт в обращении. Рита убрала из него две сердитые фразы, которых Кира не успела увидеть.

К вечеру письмо отправили.

На следующее утро переход всё ещё был под снегом. Рита пообещала добиваться ответа. Лев Аркадьевич уточнил, что требуется подтверждение установки знака, а не ещё одно уведомление о регистрации письма. Они сохранили номер обращения. На этом успех пока закончился.

Кира проходила мимо того же места и впервые не открыла чат у дороги. Она смотрела на автомобили.

Первым по существу письма не ответил никто. Автоматическая система прислала номер регистрации. Через две недели пришло уведомление о направлении запроса по подведомственности. Ещё через месяц Кира увидела у дороги новые следы уборочной машины: снег сдвинули к краю, но по-

ставленного знака не было.

Аркадий написал ей лично: «Я же говорил про знак». Кира ответила: «А я — про снег». Они оба сохранили переписку. Каждый рассчитывал однажды доказать, что начал пре-
дупреждать первым.

В марте у того же проезда Кира встретила мальчика с зелёным рюкзаком. Осенью она переводила его здесь вместе с другим школьником. Теперь он стоял в стороне, у изгороди, и не решался выйти из-за припаркованной машины.

— Почему здесь не идёшь? — спросила Кира.

— Тут машины из-за угла. Мама велела у другого выхода.

Другой выход был дальше и тоже вёл к дороге. Кира прошла с ним до угла; там действительно было лучше видно приближающиеся автомобили, зато тротуар сужался возле снежной кучи.

Вечером она отправила Аркадию две фотографии — с уровня собственного лица и с высоты детского рюкзака. На второй поворот выглядел иначе.

«Вот этого я из машины не видел», — ответил он.

На следующий день Аркадий прислал свою фотографию с места водителя. Кира отправила все три снимка как дополнение к прежнему обращению. Ответ о знаке по-прежнему не приходил.

Часть вторая. Общее — значит спорное

Глава 4. Сугробы подозрения

В доме существовало два вида снега: белый и доказательный.

Белый выпадал с неба, укрывал плитку, детские горки и припаркованные автомобили, после чего его убирали по мере сил и в зависимости от того, в чём ведении находилась соответствующая плитка. Доказательный обнаруживали возле кустов, фотографировали с нескольких ракурсов и помещали в чат — непременно с указанием секции, времени и предположительного направления движения виновного.

Однажды утром Кира открыла телефон и увидела крупным планом сугроб. Под ним значилось: «Уважаемые соседи, вы только посмотрите».

Смотреть было на что. Снег носил отчётливые следы чьего-то присутствия, и по поводу этого присутствия у жильцов немедленно появились мнения.

- У третьего подъезда опять выгуливают собак.
- С чего вы взяли, что у третьего?
- Следы возле третьего.

— Собака могла прийти из четвёртого.

— То есть у нас теперь собаки из других подъездов ходят без сопровождения?

Последнее предположение никого не удивило. В комплексе уже привыкли к тому, что любое происшествие можно объяснить недостаточным контролем доступа.

Рита попросила управляющую компанию уточнить, предусмотрена ли площадка для выгула животных. В ответ ей сообщили, что вопрос благоустройства территории находится на рассмотрении. Лев Аркадьевич заметил, что до выяснения назначения площадки необходимо разграничить выгул, проход и отправление естественных потребностей. Инна спросила, имеется ли у собаки возможность ознакомиться с этим разграничением заранее.

Владельцы собак вступили в разговор осторожно. Их опыт подсказывал: в подобных обсуждениях животное обычно признавали виновным раньше, чем устанавливали, существует ли оно в действительности.

Пётр, у которого жил крупный пожилой пёс по имени Граф, объяснил, что выводит его за пределы двора. Для этого надо было спуститься на нулевой этаж, пройти мимо машин, открыть тяжёлую дверь и подняться к улице по пандусу. Графу было одиннадцать лет, и слово «пандус» он переносил хуже, чем слово «ветеринар».

— А через двор нельзя? — спросила Кира.

— Проходить, кажется, можно. Выгуливать нельзя. Толь-

ко я пока не понял, в какой момент одно превращается в другое.

— Когда собака остановилась, — ответил Аркадий.

— Мой пёс иногда останавливается просто подумать.

— Пусть думает дома.

Инна поставила под этим сообщением смеющийся значок. Через несколько минут ей стало неловко: Пётр перестал отвечать, хотя прежде не пропускал ни одной шутки о Графе. Граф был стар и иногда останавливался лишь затем, чтобы перевести дыхание.

Вечером Инна встретила Петра у лифта. Граф тяжело переступал передними лапами, обнюхивал стену и никуда не торопился.

— Я не над собакой смеялась, — сказала она. — Над тем, что у нас даже собаке нужны письменные разъяснения.

— Над кем-то ведь смеялась, — ответил Пётр, не глядя на неё. — Не над домофоном же.

Инна придумала сразу две шутки и ни одну не произнесла. Она придержала дверь, пока Граф проходил. Пётр не поблагодарил. На завтра он снова будет здороваться с ней у лифта, но уже не станет присылать ей фотографии пса.

У Киры имелась знакомая с маленьким шпицем, которого можно было подхватить под мышку и донести до нужной стороны двора. Графа под мышку не подхватил бы даже лифт. И всё же людям нравилось советовать владельцам крупных животных брать питомцев на руки: это решение

позволяло одновременно продемонстрировать строгость и ни разу не встретиться с предметом обсуждения.

— Главное, чтобы дети могли спокойно играть, — написала одна мать.

С ней нельзя было не согласиться. Дети любили снег, валялись в нём, лепили из него крепости и не имели привычки проверять место строительства на предмет санитарной пригодности. На следующий день другая жительница рассказала, как её ребёнок испугался внезапно залаявшей маленькой собаки. Этот страх был настоящим, и рассуждения о том, что маленькие животные совершенно безопасны, ничуть его не уменьшали.

— Значит, проходить нельзя, — заключил кто-то.

— С чего вдруг? — спросил Пётр. — Мы ведь обсуждали выгул.

Лев Аркадьевич составил сообщение из пяти пунктов. В первом говорилось о праве пользоваться общим имуществом. Во втором — об обязанности соблюдать установленные ограничения. Третий уточнял, что сами ограничения должны быть приняты надлежащим образом. Четвёртый предлагал не путать юридическую возможность с бытовой допустимостью. Пятый начинался словами «во избежание дальнейших спекуляций».

Спекуляции начались именно с пятого пункта.

Аркадий считал, что достаточно установить одно строгое правило и следить за его исполнением. Рита напоминала, что

у жителей разные подъезды и не из каждого удобно попасть на улицу, минуя двор. Пётр предлагал положить у входа пакеты для уборки и объяснить маршрут крупным шрифтом. Инна заметила, что огромный жилой комплекс способен поставить четыре шлагбаума, но никак не соберётся установить одну понятную табличку.

В спор вмешались и люди без собак и детей. Им было удобно обсуждать чужие способы воспитания: свои проверять пока не требовалось.

К вечеру кто-то вспомнил, что дети тоже порой ведут себя в общественных местах неподобающим образом. Разговор немедленно получил второе дыхание.

— Не надо сравнивать детей с собаками!

— Я не сравниваю. Я предлагаю всем убирать за собой.

— Слова выбирайте.

— Я выбрал слово «всем».

Галина читала это сидя у окна. Во дворе двое мальчишек строили снежную стену. Мимо них женщина вела на коротком поводке собаку, которая явно торопилась туда, где ей было разрешено гулять. Мальчишки даже не подняли головы. Собака на них не посмотрела.

Галина смотрела на них ещё несколько секунд. Потом опустила телефон на стол.

Позднее, уже весной, история повторилась. На этот раз появились фотографии с камер: на них человек вёл собаку через двор, и некоторые соседи предположили, что он же

оставил то, что нашли у клумбы. Запись показывала проход, но не показывала ничего предосудительного. Это не мешало подозрению держаться гораздо увереннее, чем фактам.

Рита попросила не обвинять человека без доказательств. Пётр впервые за долгое время ответил ей в личных сообщениях: поблагодарил, а потом спросил, не считает ли она и это предложение несерьёзным.

«Я тогда с котом сказала лишнее», — написала Рита.

«Не совсем в коте дело было», — ответил Пётр.

Больше они ничего друг другу не написали. Рита не знала, стало ли Петру легче; Пётр не знал, чего именно она ожидала в ответ. В это время Аркадий напомнил, что видеозаписи вообще-то собирались использовать для контроля порядка. Лев Аркадьевич попросил различать предположение и установленное обстоятельство.

— То есть, — уточнила Инна, — собака прошла, а виновата оказалась камера, потому что сняла не то?

Пётр в этот день вовсе не писал в чат. Он спускался с Графом по пандусу, когда встретил женщину с коляской. Она не решалась пройти мимо: пёс был большим, а коридор узким. Пётр остановился, прижал Графа к ноге и предложил ей первой выйти на улицу.

— Спасибо, — сказала женщина.

— Да не за что.

Собака стояла спокойно. Ребёнок спал. Никто не сфотографировал ни их, ни этот разговор, поэтому о нём в общем

чате так и не узнали.

Зато вечером появилась новая фотография снега.

В этот раз он был уже растаявшим, но выводы из него по-прежнему делали твёрдые.

Глава 5. Нулевая величина

Нулевой этаж отличался от всех остальных тем, что чем больше за него платили, тем труднее было на нём остановиться.

Парковка находилась под двором, над паркингом и, судя по переписке, вне обычных законов пространства. Там, где по разметке помещались три автомобиля, некоторые собственники видели шесть. Другие при должной сноровке насчитывали девять, а третьи считали, что любое дополнительное место уже украдено у пешехода, машины скорой помощи или будущего поколения.

Аркадий парковался на минус первом уровне и не любил тех, кто оставлял машины наверху, поперёк проезда. Он мог объяснить различие между постоянным машиноместом и гостевой стоянкой так подробно, что к концу объяснения у слушателя возникало желание продать автомобиль и ходить пешком.

— Гостевая парковка предназначена для гостей, — повторял он.

Эта фраза казалась ему неопровержимой. Остальные требовали уточнить, считается ли гостем взрослый сын собственника, его тёща, приехавшая на неделю, собственная машина жильца, если другая его машина занимает купленное место, и автомобиль, который принадлежит человеку, про-

живающему здесь не постоянно, но вполне искренне.

Выяснилось, что у слова «гость» гораздо больше вариантов, чем у слова «парковка».

Однажды вечером в чат поступила фотография красного автомобиля, аккуратно поставленного поперёк прямоугольника разметки. Фотография выглядела невинно: обычная машина, обычный бетон, обычная колонна. Но хозяйка снимка приложила схему, по которой в том же пространстве могли бы поместиться ещё две машины, если бы водители отказались от привычки пользоваться нанесёнными линиями.

— Она стоит по разметке, — заметил Аркадий.

— Но посмотрите, сколько места пропадает.

— Это место нужно для выезда.

— Для чьего выезда?

— Для любого.

— Любой мог бы поставить здесь машину, если бы все ставили нормально.

На следующий день Аркадий сам оказался по другую сторону разметки. Галина попросила помочь выгрузить тяжёлый мешок земли для растений, и он остановился там, где обычно ругал других за остановку. Всего на несколько минут — именно столько, сколько каждый водитель считает исключением, которое не нуждается в оформлении.

Пока Аркадий нёс мешок к лифту, неизвестный сосед сфотографировал его автомобиль и отправил снимок в об-

ций чат. Номер машины был виден превосходно. Аркадию впервые пришлось объяснять то, что прежде объясняли ему.

— Вы же всегда за порядок, — написали ему.

— Я разгружал вещи.

— Все так говорят.

Аркадий долго смотрел на экран. Он написал время остановки, уточнил, что никому не мешал, и потребовал убрать из чата номер машины. Через минуту сосед прислал ещё один снимок: за автомобилем действительно не могла пройти женщина с коляской. Аркадий удалил слова «никому не мешал». Остальное оставил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.